

Интеллектуальное пространство России требует своего описания. Мы знаем имена наших «властителей дум», но редко можем внятно рассказать о тех самых «думах», властителями которых они являются. Нужно дать себе труд понять, почему мы думаем то, что думаем, попытаться описать те цеха, в которых производится российская мысль. Только тогда наши суждения о мире и о самих себе обретут свою весомость, а понятие «идейность» при разговоре о русской интеллигенции перестанет ассоциироваться со словом «беспочвенность».

«Я НАТАЛЬЯ МОРАРЬ, Я СВОБОДНА»

ЖУРНАЛИСТ В РОЛИ СОБСТВЕННОГО НЬЮСМЕЙКЕРА

Конечно, об Илье Васюнине нельзя сказать, что его уволили из The New Times – в штате журнала он никогда не состоял. Журналистам-внештатникам не дают премий и не объявляют выговоров, а способов перестать работать вне штата, строго говоря, всего два – либо превратиться в постоянного сотрудника редакции, либо исчезнуть, чаще всего тихо («А вот был такой парень, у нас крутился. Куда он делся?»), но можно и со скандалом («И передайте охране, чтоб его больше не пускали»). Внештатнику Васюнину выпал второй вариант – когда он пришел в редакцию The New Times на пресс-конференцию, посвященную ситуации с Натальей Морарь, к нему подошла Евгения Альбац и сказала, чтобы он немедленно уходил и никогда больше не появлялся в редакции.

«Не знаю, могу ли я теперь оставаться в профессии», – шутит Васюнин, имея в виду приписываемое Евгении Альбац выражение «Вон из профессии». Приписываемое – потому что афоризмом эта фраза стала после того, как журналистка Анна Арутюнян в своем Живом журнале процитировала свой разговор с Евгенией Альбац сразу после знаменитого эфира на «Эхе Москвы», когда Альбац, пригласившая ее в эфир для разговора о свободе слова, жестко отчитала Анну за то, что та в своей статье для англоязычного выпуска «Московских новостей» процитировала мое, Олега Кашина, мнение об Анне Политковской. Разговор Альбац и Арутюнян (в программе участвовали еще двое журналистов, но их роль не выходила за пределы массовки) получился действительно очень жестким и обидным для молодой журналистки, поэтому велика вероятность того, что слова «Вон из профессии» Арутюнян просто приписала своей обидчице, чтобы отомстить ей за унижение. Но нельзя не признать, что, даже если Евгения Альбац не приносила ничего такого, эти слова очень ей подходят – всем, кто знаком с этой женщиной, известно, что даже самые теплые отношения с ней не могут служить страховкой от того, что однажды, обвинив тебя в каком-нибудь страшном преступлении против свободы слова, Альбац перестанет подавать тебе руку, а в ее случае «перестать подавать руку» значит гораздо больше, чем просто не здороваться. Поводом для конфликта может быть что

угодно – внештатник Васюнин, например, был наказан нерукоподачей за то, что, когда молодоженов Наталью Морарь и Илью Барабанова задержали в транзитной зоне аэропорта «Домодедово», он вместе с остальными журналистами The New Times не поехал в аэропорт ругаться с пограничниками.

Морарь и Барабанов вполне могут претендовать на рекорд по продолжительности хороших отношений с Евгенией Альбац. Отношения остаются неизменными почти три года – с того самого момента, как Евгения Альбац в составе «группы частных лиц» выступила в качестве соорганизатора митинга «Я свободен» на Лубянской площади.

Митинги «Я свободен» чем-то были похожи на современные марши несогласных, только без лимоновцев и соответственно без драк с милицией. «Я свободен» – это песня Валерия Кипелова на стихи Маргариты Пушкиной, перепетая Сергеем Шнуровым в честь Михаила Ходорковского. В конце каждого митинга под эту песню на сцену выходили организаторы и представлялись: «Я Алексей Навальный, я свободен», «Я Мария Гайдар, я свободна», «Я Евгения

Альбац, я свободна». Организацией митинга занималось возглавляемое Навальным и Гайдар молодежное движение «ДА!», но как-то так получилось, что чаще всего активисты собирались дома у Евгении Альбац – рисовали плакаты, обсуждали состав выступающих, писали листовки. Формального лидера у «ДА!» не было, все немногочисленные (за массовостью, впрочем, движение и не гналось)

Олег Кашин:

Морарь и Барабанов вполне могут претендовать на рекорд по продолжительности хороших отношений с Евгенией Альбац

активисты назывались координаторами. Среди координаторов была и двадцатилетняя гражданка Молдавии студентка МГУ Наталья Морарь, отвечавшая в движении за борьбу с цензурой. Через год, когда Гарри Каспаров вместе с остальными лидерами «несистемной оппозиции» начнет собирать коалицию «Другая Россия», Евгения Альбац предложит Морарь стать пресс-секретарем коалиции. Еще через несколько месяцев Морарь примет участие в борьбе «ОД-груп» (неформальная группа студентов соцфака МГУ) против декана социологического факультета Владимира Добренькова – обыкновенная карьера молодого оппозиционного активиста времен второго путинского срока.

«**А** потом, 15 января 2007 года, рано утром мне позвонила Женя: “Привет, у меня родилась гениальная идея. Мы собираем молодых журналистов, и я хочу, чтобы ты попробовала”», – пересказывает Наталья Морарь свой разговор с Евгенией Альбац год и месяц спустя. Мы ужинаем в кафе в здании кишиневского кинотеатра «Патриа» на бульваре Стефана Великого за неделю до

свадьбы Натальи и Ильи Барабанова. О том, что она и Илья уже подали заявление в кишиневский ЗАГС, Наталья не говорит, но намекает, что очень скоро она вернется в Москву. Я понимаю ее намеки так, что между редакцией The New Times и ФСБ уже достигнута какая-то негласная договоренность, но Морарь говорит, что ни о каких кулуарных договоренностях не может быть и речи – и она сама, и ее коллеги настаивают на том, что возвращение в Москву должно произойти только в соответствии с законом, «а не через поля в багажнике автомобиля».

В этом Морарь вполне последовательна. Во многих компаниях, в том числе и в редакциях СМИ, сотрудники, не имеющие российского гражданства, часто работают по документам подставных лиц – так проще и с точки зрения налогов, и с точки зрения отношений с миграционным ведомством, которое при использовании такого трюка можно вообще игнорировать. Морарь с самого начала работала в «Нью таймс» легально – в отделе кадров журнала хранятся копии ее вида на жительство и разрешения на работу. Более того, пользуясь правом выпускника российского вуза, Морарь уже подала документы на получение российского гражданства и к апрелю 2008 года должна была получить паспорт гражданина России. Пограничники в «Домодедово» отказались пускать ее в страну в декабре – за пять месяцев до казавшегося неизбежным российского гражданства.

Изгнание – это всегда изгнание, и я надеюсь, что мои слова не прозвучат обидно для Натальи, но у ее пребывания в Кишиневе есть и однозначно положительные стороны. Во-первых, сразу после того, как Наталью не пустили в Россию, главный редактор и владелица «Нью таймс» Ирена Лесневская перевела Морарь из корреспондентов отдела политики в специальные корреспонденты журнала, в несколько раз повысив ей зарплату (на момент высылки оклад журналистки составлял одну тысячу долларов) – конечно, по московским меркам и повышенное жалование выглядело бы достаточно скромно, но в молдавской столице, где средний заработок не превышает полутора сотен долларов, Наталья Морарь смогла почувствовать себя вполне обеспеченным человеком.

Деньги – это во-первых. Во-вторых, конечно, слава. «Через несколько дней после моего приезда в гостинице “Лео Гранд” презентовали книгоиздательскую программу “Кантемир – благодарная Молдова братской России”, – рассказывает Морарь. – Собралась вся молдавская элита – бизнесмены, политики. Пригласили и меня, меня сейчас на все такие тусовки приглашают. Но это были мои пятнадцать минут славы – ко мне выстроилась очередь из гостей, желающих вручить мне свою визитку, а в двух шагах от меня стоял российский посол, до которого никому не было никакого дела».

Впрочем, Кишинев – это провинция и по европейским, и по российским меркам, и если бы слава Натальи была ограничена только Кишиневом, гордиться, возможно, было бы и нечем. Но за сутки до нашей встречи Наталья Морарь вернулась из Берлина – там она выступала на конференции «Репортеров без границ» с рас-

сказом о своих приключениях. Одновременно с берлинской конференцией в Москве редакция The New Times отпраздновала свою первую годовщину в феврале 2008-го, но в выходных данных журнала написано, что он издается с 1943 года. Противоречия здесь нет – у журнала действительно два дня рождения. «Я звонила из Берлина коллегам, – говорит Наталья, – но никто мне не сказал, что вечером у них будет праздник – не хотели меня расстраивать. Только поздно вечером, уже после того, как я выступила на конференции, мне позвонили и сказали: мы празднуем, поднимаем тост за тебя. Но я не обижаюсь из-за того, что от меня скрыли праздник – если бы я знала о нем до своего выступления, я бы расстроилась и не смогла бы хорошо выступить».

Редакция The New Times отпраздновала свою первую годовщину в феврале 2008-го, но в выходных данных журнала написано, что он издается с 1943 года. Противоречия здесь нет – у журнала действительно два дня рождения. Первый – во время войны, когда Сталину срочно потребовалось формально независимое от партийных и государственных структур издание, которое критиковало бы союзников с более жестких, чем официальные советские СМИ, позиций. Тогда под эгидой советских профсоюзов был создан журнал «Война и рабочий класс», после Победы переименованный в «Новое время» (журнал с таким же на-

званием выходил и до революции, и его главный редактор после войны написал Сталину письмо, в котором просил его во избежание ненужных ассоциаций дать журналу другое имя, но Сталин ответил, что настоящее новое время наступило только сейчас и никаких ассоциаций со старым временем быть не может), который выполнял функцию органа неформальной внешнеполитической пропаганды до самого начала перестройки, а потом пятнадцать лет тихо деградировал под началом Александра Пумпянского. «Новое время» девяностых – двухтысячных не распространялось в розницу, редакция несколько раз отбивала попытки рейдерского захвата своего единственного дорогого актива – особняка на Тверском

Редакция The New Times отпраздновала свою первую годовщину в феврале 2008-го, но в выходных данных журнала написано, что он издается с 1943 года. Противоречия здесь нет – у журнала действительно два дня рождения

бульваре, а все попытки продать журнал более-менее респектабельному инвестору (самая известная такая попытка связана с «Издательским домом Родионова») заканчивались бегством последнего – у «Нового времени» было слишком много долгов и прочих проблем – от дистрибуции до рекламы.

Продать журнал Пумпянскому удалось только осенью 2006

года – в роли покупателя выступила Ирена Лесневская, незадолго до этого продавшая свой телеканал «Рен-ТВ». Лесневская объявила о намерении выпустить под маркой «Нового времени» новый деловой журнал. На должность главного редактора позвала Рафа Шакирова, остававшегося без работы после ухода из «Известий» в сентябре 2004 года. Именно Шакиров переименовал «Новое время» на иностранный манер – The New Times. Под этим именем обновленный журнал вышел в феврале 2007 года – и это был второй день его рождения.

Заместителей Шакирову Лесневская назначила сама – уже упоминающуюся Евгению Альбац и уволенную новыми владельцами «Рен-ТВ» телеведущую Ольгу Романову. Такая менеджерская конструкция, однако, просуществовала очень недолго – вначале из журнала ушла Романова, а через несколько месяцев – и Шакиров (главным редактором стала сама Лесневская). Формально причины ухода обоих были вполне мирными – Романовой предложили должность главного редактора русского Business Week, Шакиров же посчитал свою миссию по перезапуску журнала выполненной. Впрочем, в обоих случаях неофициальной версией было то, что причиной ухода руководителей журнала стала (назовем это явление максимально осторожным термином) харизма Евгении Альбац. Так это или нет – неизвестно, но курируемый ею блок «Родное» (то, что в других изданиях называется отделом политики) с первого же номера занял в журнале главенствующее положение, а остальные отделы – бизнес, культура, спорт, наука – выглядели скромным дополнением к полосам «Родного» (ну или рекламными

полосами – тем более что рекламы в The New Times не было почти совсем; не считать же рекламой публиковавшееся на протяжении года объявление о продаже старого здания «Рен-ТВ» на Зубовском бульваре).

От команды старого «Нового времени» в журнале осталась только колумнистка Валерия Новодворская, остальные сотрудники пришли вместе с Шакировым, Лесневской и Альбац. В отдел политики The New Times Евгения Марковна привела, кроме Морарь, 22-летнего Илью Барабанова, студента журфака МГУ (свою дипломную работу Барабанов защищал уже по публикациям в «Нью таймс») и репортера «Газеты.ру» – между ним и Альбац давно существовали дружеские отношения. Рано или поздно они должны были ока-

заться в одной редакции – что в конце концов и произошло.

В первых номерах обновленного The New Times публиковалось многосерийное расследование Барабанова об убийстве Александра Литвиненко – писать на эту тему он начал еще на прежнем месте работы, но новый формат The New Times позволял быть более откровенным и чаще ссылаться на неназванные источники. Морарь же (первые два месяца она работала на испытательном сроке) писала «студенче-

ские» заметки – например, о жизни гастарбайтеров из СНГ в Москве. Можно было предположить, что в этой связке ведущая роль останется за Ильей, однако уже в мае 2007 года роли поменялись – в журнале появилась первая большая статья Морарь, выдержанная в классическом компроматном жанре – «23 мая президент России Владимир Путин приедет с официальным визитом в Австрию. Там его может ждать сюрприз: по данным The New Times, Интерпол расследует, а австрийская полиция готова возбудить уголовное дело, в котором, как утверждают, завязаны ключевые фигуры его администрации».

Статья под незамысловатым заголовком «Чиновники уводят деньги на Запад» стала первой серией расследовательского сериала о деле банка «Дисконт» – Морарь утверждала, что «была раскрыта единая схема вывода денег чиновников, близких к контролируемым Кремлем нефтяным компаниям и генерал-лейтенанту Александру Бортникову, заместителю директора ФСБ и начальнику Департамента экономической безопасности ФСБ». Во всех дальнейших публикациях Морарь по этому делу также фигурировало имя Бортникова. То, что The New Times прицельно бьет именно по этому генералу, было настолько заметно, что после первых же статей Морарь по Москве поползли слухи о том, что реальной «крышей» журнала является не продавшая свое имущество Лесневская, а известный своими напряженны-

Разумеется, я спросил Наталью Морарь, как она сама относится к разговорам о том, что ее убийство может стать наиболее драматической развязкой истории с разоблачительными публикациями и изгнанием из страны. «Я не верю в такое развитие событий и уверена, что никто меня убивать не станет», – ответила она

ми отношениями с Бортниковым руководитель Госнарконтроля Виктор Черкесов, для которого журнал делает то же, что делал в свое время для Сталина, – сообщает о том, о чем официально говорить не получается. Сотрудники редакции реагировали на эти подозрения так же нервно, как любой непродажный журналист реагирует на обвинения в продажности. «Это бред», – говорит о связи между The New Times и Черкесовым Наталья Морарь, а Евгения Альбац в ответ на очередное «Морарь – это Хинштейн» отреагировала в присущей только ей манере: «Вы просто не знаете профессии – профессии, которая называется исследовательская журналистика. А я этим занимаюсь с 1987 года, и против меня не было ни одного судебного иска ни в одной из трех стран, включая Россию, где я публиковала свои расследования. Ни один из тех, кто пишет о якобы “сливах” в The New Times, ни один, кто учит нас и меня проверять фактов, никогда этой профессии не знали и не занимались. Теперь что касается материалов Натальи Морарь. Я отвечаю за каждое слово, и я знаю каждый источник. Это не один человек и не два, и это не сливы – документы и уголовные дела. Я надеюсь, что совсем скоро эти источники откроют свои имена – пока просто яиц не хватает» (я, сохраняя орфографию, цитирую Альбац по ее комментарию в блоге журналиста Дмитрия Ольшанского, поскольку на мои неоднократные, в том числе публичные, просьбы о встрече и об интервью она на протяжении многих недель отвечала неизменным молчанием).

С весны 2007 года Морарь больше не писала репортажей о гастарбайтерах – зато ее расследования с громкими именами фигурантов и неизменными анонимными источниками стали появляться в The New Times практически еженедельно. Вчерашняя стажерка, Наталья превратилась в ведущего автора журнала и одного из самых заметных журналистов страны. Чаще всего в статьях шла речь все о том же Бортникове и об Игоре Сечине, но накануне декабрьских парламентских выборов (и, что немаловажно, накануне оказавшегося роковым пресс-тура в Израиль, после которого Наталью не пустили в Россию) вышла статья Морарь «Черная касса Кремля», посвященная финансированию политических партий, участвовавших в выборах. Благодаря этой – достаточно пустой и плохо маскирующей не самые надежные (функционеров СПС) источники – статье, когда Наталья стала «невъездной», название банка «Дисконт» и имя Александра Бортникова в речах ее защитников практически не звучали – большинство комментаторов, высказывавших предположения по поводу возникших у журналистки проблем, вспоминали именно «Черную кассу» – буквально по Штирлицу, «запоминается последнее слово».

Когда мы встречались в Кишиневе, я спрашивал у Морарь, как ей работает вдали от родной редакции. Трудно сказать, была ли она на сто процентов искренней, но, по словам Натальи, в ее работе ничего не изменилось: «Я никак не ощущаю, что я не на рабочем месте. С полудня до восьми часов вечера я за компьютером,

всегда в “Скайпе”, всегда на телефоне. Не было ни одной недели, чтобы в журнале не вышел мой новый текст. Более того, теперь мне стало проще дозваниваться до людей, у которых я беру комментарии. Некоторые сразу отвечают: “А, угроза безопасности звонит, здравствуйте”».

«Угроза безопасности» – это потому, что в одной из многочисленных бумаг, полученных редакцией The New Times в ответ на официальные запросы о причинах изгнания Морарь из страны, было написано, что Наталья может представлять угрозу для безопасности государства. Неизвестно, какой идиот составляет такие бумаги, позорящие прежде всего само государство (что это в самом деле за безопасность, которой угрожает хрупкая девочка с больными почками?), но об угрозе безопасности во время скандала с Морарь задумывались и в самом деле многие – речь, правда, шла о безопасности самой журналистки. «Девочку откармливают на убой», – сказал один из моих собеседников (учусь у Натальи – мой собеседник тоже анонимный), когда я рассказал ему о своих впечатлениях после кишиневской командировки. Словосочетание «ее убьют» мне приходилось слышать от самых разных людей на протяжении многих месяцев, начиная с первых публикаций о банке «Дисконт». Разумеется, я спросил Наталью, как она сама относится к разговорам о том, что ее убийство может стать наиболее драматической развязкой истории с разоблачительными публикациями и изгнанием из страны. «Я не верю в такое развитие событий и уверена, что никто меня убивать не станет», – ответила она.

Через неделю после нашей встречи Наталья Морарь вышла замуж за Илью Барабанова и улетела в Москву. Потом было трехдневное сидение в домодедовском терминале, истеричные пресс-конференции с участием почему-то Бориса Немцова, статьи в «Газете.ру», в которых говорилось, что корреспондентам этого издания «доподлинно известно», что брак молодых журналистов не является фиктивным. Стараниями коллег по изданию ситуация стремительно превращалась в фарс, кульминацией которого (уже после возвращения Морарь в Кишинев) стал спецвыпуск The New Times, полностью (за исключением одной статьи собственно о Морарь) состоящий из лозунгов – за концептуальной идеей нетрудно было разглядеть виноватое «Мы всю неделю бегали и кричали, делать журнал было некому, так что не обессудьте». Государственный идиотизм вошел в клинч с негосударственной пошлостью, но – хотя идиотизм государства опаснее и неприятнее пошлости оппозиционных журналистов – более основательную тревогу вызывает не первое (в конце концов, трудно надеяться на то, что завтра вдруг государственного идиотизма станет меньше), а все-таки второе. Превратиться из журналиста в ньюсмейкера гораздо проще, чем совершить обратное превращение, а Наталья Морарь обязательно должна снова стать «просто журналисткой». В конце концов, The New Times – может быть, самый яркий из новых медийных проектов России – своей яркостью обязан именно ей, и будет обидно, если все и ограничится только этим ярким стартом.